

«Наше будущее мы должны строить
исходя из нашего прошлого,
а не из не наших шпаргалок
и программ, утопий и демагогии».

И.Л. Солоневич

И.В. Афонин,
заместитель главного редактора журнала «Территория и Планирование»

Потерянный образ

В основе термина «территориальное образование» лежит слово «образ». Нет образа территории — нет территориального образования. Осознание этой простой формулы даёт возможность правильно выбрать вектор развития территории.

Разные страны, а иногда даже их отдельные территории ассоциируются в нашем восприятии с какими-то только им присущими образами, которые принято называть стереотипами, например: Германия — это железный порядок, пиво и сосиски; Техас — ковбои, джинсы и родео; Франция — вино и парфюм; Италия — искусство и мода. Наиболее концентрировано образы территорий выражаются в праздниках.

душу — день рождения, день свадьбы, День освобождения, День благодарения...

Фактически праздник — это декларация стремления к какому-то позитивному образу. До начала XVII в. Россия жила образом святости. Это вовсе не значит, что её населяли одни святые, это значит, что люди сознавали своё духовное несовершенство и стремились стать лучше. Именно поэтому все государственные праздники совпадали с праздниками церковного календаря и отмечались совсем не хмельными пирушками. Но царь Пётр I разрушил паритет светской и духовной властей, и в России началась эра насаждения ренессансных праздников, в основе которых лежало плотское, а не духовное веселье.

До начала XVII в. Россия жила образом святости. Это вовсе не значит, что её населяли одни святые, это значит, что люди сознавали своё духовное несовершенство и стремились стать лучше.

Каждый национальный праздник имеет свою нематериальную составляющую: люди приятно проводят время, вспоминая событие-первопричину, запавшую в их

В послепетровские времена Россия всё активнее интегрировалась в западную систему материальных ценностей, которую навязывала ей обратившаяся на Запад правящая элита (более подробно об этом читайте в следующих номерах журнала «Территория и Плани-

Соглашательство и непротivление навязанным извне образам ведёт к забвению национального достоинства. В XVII в. мы тихо согласились с тем, что западная академическая живопись более прогрессивна, чем рублёвская традиция иконописи; потом с тем, что японская деревянная игрушка, ставшая всемирно известной матрёшкой после Всемирной парижской выставки 1900 г., — символ России, а потом не стали спорить с тем, что водка — это исконно русский напиток, хотя до Петра наша страна не знала алкогольных напитков из зерна, а 40-градусная водка появилась в России только в конце XIX в. благодаря Д.И. Менделееву.

Сегодня мы предпринимаем вялые попытки возродить национальные традиции, но часто сами оказываемся Иванами, не помнящими родства. Наши старания выглядят достаточно нелепо, потому что мы пытаемся наполнить «отечественным» содержанием «готовые к употреблению» «импортные» образы. Если у Санта-Клауса есть раскрученное поместье на Ушастой сопке в Лапландии, то и у нашего Деда Мороза должно быть такое же, только в Великом Устюге; если весь англоязычный мир празднует День всех влюблённых, мы, подражая им, празднуем День памяти Петра и Февронии. Последний пример особенно неудачен, потому что инициаторы этого праздника упустили из виду то обстоятельство, что люди, считая святыми благоверных князя Петра и княгиню Февронию покровителями семейной жизни, стали приурочивать к нему свадьбы. Но он всегда

рование» в статье И.В. Солоневича «Наши интеллигенции»), а значит, всё больше теряла созданный ею образ русской святости. Так продолжалось до тех пор, пока в России, при активной поддержке европейских государств, не произошёл перечеркнувший национальные традиции Октябрьский переворот.

Соглашательство и непротivление навязанным извне образам ведёт к забвению национального достоинства.

А в последние 20 лет мы стали просто принимать чужие праздники: Октоберфест, День Святого Валентина, хеллоуин, рекламные слоганы которых вдалбливают в сознание потребителей один посыл — «возьми от жизни всё!» Принимая его, мы заимствуем чужую систему ценностей.

приходится на Петров пост, время покаяния и молитвы, в которое Православная церковь не благословляет вступать в брак.

Пётр и Феврония — святые Муромской земли, но анализ местных праздников и туристских маршрутов показывает, что

турфирмы и ответственные за развитие туризма чиновники додумались только до организации праздника «Богатырское раздолье» и театрализованного представления «Былинный Муром», которые на все лады представляют сказочку о русском богатыре Илье Муромце. Однако нигде не упоминается о том, что этот фольклорный персонаж был реальным человеком, окончившим дни земной жизни не в ратном, а в монашеском труде в Киево-Печёрской лавре; что Илия Печёрский был канонизирован как преподобный, то есть святой, достигший вершин праведной жизни.

Память Илии Печёрского празднуется в Рождественский пост, 1 января, и очень печально, что многие муромчане в этот день страдают от последствий буйной встречи Нового года и не вспоминают о своём соотечественнике и небесном покровителе. На таком уровне восприятия собственной истории невозможно противостоять чужеродным традициям, превращённым маркетинговыми технологиями в торговые марки, которые прочно вошли в быт нашего народа.

Именно поэтому редакция журнала «Территория и Планирование» решила открыть рубрику «Потенциал». В первую очередь мы делаем это для местных чиновников и представителей бизнеса, потому что в их руках сосредоточены административная и финансовая власти — резервы, которые при условии подключения духовного начала могут дать импульс развитию территорий российских регионов. Мы собираемся рассказывать о реальных исторических событиях, происходивших в разных регионах современной России, по разным причинам стёртых из народной памяти, но способных формировать новые культурные традиции российских территорий и возвращать им потерянные образы. Дебютная публикация посвящена подвигу уроженца Муромской земли, святому благоверному князю Михаилу Муромскому.

Отрывок из беседы митрополита Сурожского Антония

«...> Нужно, чтобы у нас перед глазами были примеры родных нам, русских людей,

которые по цельности и по простоте своей веры сумели быть действительно подобными Христу: в том смысле, что они сумели сознательно и очень ярко, как мне кажется, воплотить в своей жизни то, чему учил Христос и словом, и примером...

<...> Мы рукоплещем святым, как будто они проходят на сцене истории перед нами, а мы — зрители; но мы не воспринимаем от них вызов, которым является их жизнь, а жизнь святого — вызов нам. <...>

<...> о ком я хочу сказать, это очень юный русский князь конца XII века, Михаил Муромский. Его отец был христианин, вся семья не только крестилась, но крепко, всерьёз уверовала в Евангелие и во Христа. Правил отец Муромской областью, окружена она была целым морем ещё не уверовавших и не крестившихся языческих племен. И вот загорелась война; в течение короткого времени племя, напавшее на Муромскую область, было разбито, его остатки закрылись в городище, чтобы защищаться до последнего. Воины Муромского князя засели в лесу, окружив городище. Никакой надежды не было ни выйти из него, ни получить помощь или пищу, оставалось князю Муромскому ждать, чтобы голод и отчаяние заставили жителей сдаться. Но он уверовал в Христа, уверовал в Евангелие, и для него было ясно, что эти люди, которые считают его непримиримым врагом, для него не враги, потому что у христианина нет врагов, все для него — Богом сотворённые братья, заблудшие или нашедшие свой путь, но всё равно братья. Он не мог допустить, чтобы голодная смерть погубила жителей: и крепких воинов, и женщин, юных подростков и детей; он знал, что каждый из них Богу лично дорог, что ради спасения каждого из них Христос стал человеком, претерпел ужас Гефсиманского сада и крестную смерть, что умер бы Он и за одного человека, как Он умер за человеческий род, что умер Он не за всех коллективно, а за каждого и в отдельности.

И он решил предложить им мир во имя Христа, мир во имя Того, Кто принёс примирение неба и земли, он им предложил мир без условий, просто Бога ради. Жители, за-

щищавшие городище этому не могли поверить: во Христа они не верили, Евангелие для них было не благая весть, а сказка и, вероятно, неизвестная; чтобы кто-нибудь предложил врагу, который уже не может защищаться, свободный выход и жизнь, было им невыносимо. В этом предложении жители города увидели военную хитрость. Но на всякий случай, желая, может быть, даже этим воспользоваться, они предложили Муромскому князю сделку: они примут его предложение при одном, однако, условии: что он отдаст им заложником одного из своих сыновей-подростков. Они с ним были в походе, жили вместе с ним в лесу, в срубе. Пред князем встал вопрос совести: с одной стороны, предложение, которое он сделал врагам, он сделал во имя Христа, по убеждению; с другой стороны, он знал, что, отдав он одного из своих сыновей, он может никогда его не увидеть; враги могут поругаться над ним, убить его, замучить его на стенах городища перед глазами отца, они могут обмануть его во всем. Жизнеописатель говорит нам, как ночью князь ходит по своему срубу, не в силах решиться: отдать сына — и которого? — или отказаться от своей христианской совести?

Один из детей проснулся, младший, Михаил. Посмотрел, последил за отцом и, позвав его, стал допытываться, что его так волнует, когда победа уже у него в руках? И

добился наконец ответа, отец все ему объяснил. Мальчик тогда поднялся и ему говорит: «Отец, то, что ты мне говоришь, это ведь то же самое, что ты мне рассказывал о нашем спасении! Если ты меня пошлешь к своим врагам, ты поступишь так, как Отец наш Небесный поступил по отношению к человеческому роду, а я поступлю, как Христос поступил: приду примирителем!» В конечном итоге, на следующее утро было решено выслать мальчика к врагам.

Я хочу сразу обратить ваше внимание на то, с какой простотой и цельностью и отец, и сын восприняли евангельскую повесть — не как иносказание, не как такой идеал, которому подражать нельзя, а как реальнейший образ мыслей, чувств и поступков. Вероятно, отец так рассказывал о Спасителе своему мальчику, что тот не мог не видеть дела Божия в чертах человеческой жизни.

<...>

Когда пришло время мальчику быть отдану жителям городища, он вышел из темного леса и пошёл широкой поляной к нему. Была тишина и на стенах городища, и в лесу, с затаённым дыханием люди созерцали то, что совершалось: мальчик девяти лет, один, шёл примирять два народа; шёл он потому, что уверовал во Христа, и потому,

Икона Св. Благоверных Князей Петра и Февронии Муромских.

Икона Преподобного Илии Муромца Печерского.

Икона Свв. Благоверных Князей: Константина, Михаила и Феодора Муромских.

что его отец так серьёзно уверовал в евангельскую повесть, что в конечном итоге, после мучительного борения, он всё же отдал своего сына. Вдруг пронеслась стрела, пущенная со стен городища, и мальчик упал. И в этот момент случилось самое неожиданное: люди ринулись к мальчику и со стен городища, и из лесу, забыв, что они враги, забыв, что им грозит смерть друг от друга, потрясённые ужасом, что эта красота вдруг превратилась в такое страшное уродство. И когда, обнаружив, что мальчик умер, они друг на друга посмотрели, их ряды были смешанны и им ясно стало, что они уже не враги. Единый, единодушный порыв, который их заставил смешаться вокруг тела убитого мальчика, этот порыв восхищения, ужаса, любви их примирил <...>».

Эта подлинная история, а не миф о короле Артуре (до сих пор не ясно, был ли он на самом деле, но если и был, то уж точно не королем) и рыцарях Круглого стола; не сказка о благородном разбойнике Робин Гуде и не романтическое предание о Ромео и Джульетте. Это жизнь реального человека, у которого есть наследники — нынешние муромчане, почему-то так крепко забывшие о своём славном предке, что даже когда хотят вернуться к своим корням и почувствовать себя сынами легендарного Муромского княжества, ничего, кроме фестиваля богатырских развлечений, придумать не могут.

Может быть, экономический кризис не лучшее время для создания образа региона, который работал бы на развитие туристической отрасли его экономики. Однако власти Муром и Владимирской области должны задуматься, если не о развитии туристического потенциала региона, то хотя бы о воспитании нравственных и патриотических чувств людей, о которых они призваны заботиться. Наверное, можно и нужно было найти средства и способы, чтобы рассказать своим соотечественникам о юном князе Михаиле.

Если баварцы создали из свадьбы своего кронпринца Октоберфест — беспрецедентный по размаху туристический праздник, а англичане, раскрутив благородство

короля Артура, сделали туристический бизнес едва ли не самой успешной отраслью экономики всех западных графств Великобритании, предъявивших права на Камелот, то какой притягательной силой должны обладать события, которые произошли в XII в. в Муроме? Такая высота человеческого духа, такая красота человеческой личности, если говорить о них во весь голос и при этом осознавать себя сродниками святых предков, помогли бы не только духовно возродить его территорию, но и создать экономические предпосылки её быстрого развития.

Можно сколько угодно говорить, что в бюджете нет денег даже на зарплаты — от этого они не появятся. Но инвестиции в территорию возможны только при наличии притягательного образа. Не девальвируются только нематериальные ценности, ведь художнику платят не за холст и краски, а за духовную ценность созданного им образа. Поэтому для того, чтобы появились деньги на зарплаты, нужно сначала вложить их в развитие образа территории.

P.S. Владыка Антоний обращался с проповедью о юном княжиче Михаиле Муромском не к русским, а к принявшим православие англичанам. Неужели потому, что для людей, населяющих Россию и называющих себя русскими, она была не нужна и неинтересна? ■■■